

УДК 316.3, 316.4

*Ч.И. Ильдарханова***МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО СЕЛА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА**

В статье модернизация российского села раскрыта через роль символических смыслов и культурных кодов, присущих населению, без учета которых изменения не будут успешными. При помощи современной концепции модернизации, сформулированной в середине XX в., разработаны некие универсальные правила, направленные на вытеснение традиций. Предполагалось, что развитие всех государств должно проходить одни и те же стадии, приближаясь к западным образцам модернизации, а не к навязываемым сверху государственной мобилизацией. Унифицированный, берущий за основу американскую модель подход заменяется представлениями о том, что ритмы, темпы и последствия модернизации различны как в разных областях, так и в целом – в межстрановом разрезе. При этом, как считает Р. Дарендорф, процесс обновления может затянуться до смены нескольких поколений. На рубеже XXI в. усилилась тенденция связывать процессы модернизации с глобальным контекстом. Страны «вторичной», «догоняющей модернизации» встретились с объективной обусловленностью кризисов по освоению рациональных структур организации жизни. В теориях «кризисного синдрома модернизации», «частичной модернизации» проводится идея неизбежности столкновения традиционных ценностей (для определенной конкретной национальной культуры) с обновленными социальными структурами, организациями, их составляющими. Реновация институтов обусловлена необходимостью их адаптации в условиях догоняющей модернизации. Эти трудности наблюдаются и в России. Автор приходит к выводу, что модернизация, обладая гуманистическим потенциалом, распространяется в разных социальных средах неравномерно, чему способствуют наличие материально-финансовых активностей государства и состояние социального качества субъектов деятельности. Все это в совокупности определяет «коридор» возможностей модернизации. Вместе с тем важно учитывать при конструировании стратегий модернизации недопустимость разрыва преемственности, поскольку сами инновации являются синтезом взаимодействия нового и традиционного. В русле социально ориентированных концепций модернизации рассмотрена проблема человекосоразмерности технических проектов, состояния быта, легитимизации форм поведения различных социально-профессиональных групп.

Ключевые слова: модернизация, инновация, российское село, социальная работа, модернизация села, стратегия, социокультурный контекст, социальное пространство, ресурсный потенциал.

Введение

Постановка вопроса о модернизации территории, испытывающей риски своего функционального назначения, воспринимается большинством научного сообщества очень критично. Основным доводом такой позиции выступает убеждение в том, что модернизации может подвергаться территория, обладающая определенной социально-экономической устойчивостью, имеющей резервы и ресурсы для инноваций.

Понятие модернизации у разных авторов используется в широком и узком смысле слова, что зависит от степени наполнения его темпоральными, ментальными и инновационными характеристиками. Мы будем вкладывать в это понятие такие свойства, как изменение, усовершенствование, отвечающие современным требованиям [1. С. 744].

Модернизация – тема общегуманитарная, к ней обращаются философы, социологи, экономисты и историки, вкладывая в это понятие несовпадающие смысловые нагрузки. В.Г. Федотова выделила тринадцать признаков с акцентом на переход от одного состояния общества к другому. В интересующем нас ракурсе – связи социального ресурсного потенциала с самообновлением – особенно значимы такие признаки, как переход от непроизводительного труда к производительному, ведущая роль инноваций и уход от традиций, превосходство рациональной, светской активности над деятельностью, авторитарно определяемой религией, мифологией, преобладание институтов образования, управления, медицины, коммерции над неопределенными, расплывчатыми институциями, всеобщая урбанизация, демократизация общества, переход от мировоззренческого знания к науке и технологии, к достигаемому, а не предзаданному статусу людей [2. С. 170].

В каждом из выделенных признаков присутствует констатация некоей недоразвитости по сравнению с образцом Запада и необходимость трансплантации достижений во все структуры не западного типа общества. Но к этому не всегда готово общество догоняющей модернизации. Восточные ци-

визации, будучи настроенными на изменение внутреннего мира человека и сохранение священными и неприкосновенными природы и окружающей среды, отсекают ненужные новации. Однако отношение к новациям, предлагаемым модернизацией западного типа, наталкивается на изменившиеся в период конца XX и начала XXI в. социокультурные ориентации личного выбора.

Терминологическое сочетание «личный выбор», на наш взгляд, в понимании модернизации является ключевым. Обычно модернизацию связывают в первую очередь с новой техникой и технологией, изменением стиля управления. Человек при этом зачастую рассматривается как недостающий, но легко заменяемый ресурс, который вольно или невольно приспособливается к данным изменениям. Однако в реальности процесс адаптации к новому более сложен.

Теоретические основания

Современная концепция модернизации, сформулированная в середине XX в., была не только синонимом прогрессивных изменений, но и разработала некие универсальные правила, направленные на вытеснение традиций. Предполагалось, что развитие всех государств должно проходить одни и те же стадии, приближаясь к западным образцам модернизации, а не к навязываемым сверху государственной мобилизацией (А. Турен, Ш. Эйзенштадт).

Д. Александер, затем П. Штомпка значительно пересмотрели ключевые позиции теории модернизации, поставив в центр внимания деятельность массовых слоев общества. Унифицированный, берущий за основу американскую модель подход заменяется представлениями о том, что ритмы, темпы и последствия модернизации различны как в разных областях, так и в целом – в межстрановом разрезе. При этом, как считает Р. Дарендорф, процесс обновления может затянуться до смены нескольких поколений.

Еще одной особенностью нового прочтения модернизации стало признание важной роли символических смыслов и культурных кодов, присущих населению, без учета которых изменения не будут успешными.

Совмещая совокупность средств конструирования постсоветской трансформации в России, О. Н. Яницкий полагает, что нужно учитывать следующее: наличие активов и пассивов государства, состояние социального качества субъектов деятельности, что определяет «коридор» возможностей модернизации [4]. Модернизация в постсоветских государствах осуществляется по образцу западных видов организации производства и технологий. При этом возникают трудноразрешимые технологические и социальные проблемы. Первые обусловлены тем, в каком технологическом укладе находятся страны-доноры и страны-реципиенты. Страны Запада находятся на пути от пятого к шестому укладу (от применения достижений микроэкономики на микронном уровне к нанотехнологиям, позволяющим изменять молекулярную структуру живых организмов). Постсоветские страны пока находятся на третьем и четвертом технологическом уровнях, в которых сосредоточено до 80% производственных ресурсов. Они, как доказывает Г. Н. Соколова [5. С.7], несовместимы ни с пятым, ни, тем более, с шестым технологическими укладами.

Метод

На рубеже XXI в. усилилась тенденция связывать процессы модернизации с глобальным контекстом. Страны «вторичной», «догоняющей модернизации» встретились с объективной обусловленностью кризисов по освоению рациональных структур организации жизни. В теориях «кризисного синдрома модернизации», «частичной модернизации» проводится идея неизбежности столкновения традиционных ценностей (для определенной конкретной национальной культуры) с обновленными социальными структурами, организациями, их составляющими. Реновация институтов обусловлена необходимостью их адаптации в условиях догоняющей модернизации [6]. Эти трудности наблюдаются и в России.

Для снятия указанных противоречий творческой группой под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина с опорой на опыт АН Китая предложена модель распределения стран мира по уровням модернизации: первичной (индустриальной) и вторичной (информационной). К 2100 г. ожидается, что лишь около 20 стран будут модернизационно (информационно) развитыми, а остальные 170 стран – развивающимися, включая отстающие; в авангарде этой группы окажутся 25 стран. Среди развивающихся также различаются три группы: среднеразвитые (25 стран, куда входит и Россия), предварительно разви-

тые (37 стран, в том числе Китай), отстающие (49 стран, в том числе Индия). Россия в середине первого десятилетия XXI в. уже входила в первую половину среднеразвитых модернизационно развитых стран и отставала от 20 информационно развитых стран на 10 позиций [7].

Чтобы войти в первую, наиболее развитую двадцатку стран необходимо осуществлять интегрированную, всестороннюю модернизацию с чертами перехода от первичной и вторичной модернизации, которая включает на первом этапе преимущественно рост и развитие индустриальной модернизации, на втором – одновременное завершение индустриальной модернизации и переход к ее информационной стадии, на третьем этапе – преимущественно рост и развитие информационной модернизации. В целом этот процесс может растянуться до 2030 г. [7]. Важным условием реализации модели, построенной именно таким образом, является, во-первых, стратегия сбалансированного опережения и, во-вторых, формирование общественно и лично значимой цели модернизации, разработка привлекательного для большинства населения понимания желаемого состояния общества и каждого региона. Это означает, что социокультурный контекст модернизации играет очень важную роль.

Культура субъектов, вовлекаемых в модернизационные процессы, оказывается самостоятельным и часто «неподдающимся» элементом. Это своевременно поняли лидеры индустрии стран Востока, которые, признавая и распространяя у себя достижения западной науки и техники, постарались сохранить и использовать на осуществление благих целей ценности национального духа, солидарности и сплоченности, которым не придавалось должного значения в других странах.

Отсюда следует, что особую актуальность приобретают механизмы вовлеченности индивидов в процессы модернизации. Методологически важными в этом плане являются идеи Г. Зиммеля о роли контактов между членами групп в контексте освоения нового. По мнению Г. Зиммеля, сегментирование групповой вовлеченности вызывает у личности ощущение своей уникальной идентичности, то есть она осваивает новое, оставаясь в своей неразрушенной целостности. Социокультурный контекст модернизации, опережающей ориентации, актуализирует переосмысление как традиционных понятий (общность, общество), так и новых (человеческий, социальный капиталы, социальное качество и другие).

Личный выбор осуществляется всеми акторами российского общества: и теми, кто находится в положении наемного работника, и теми, кто имеет возможность манипулировать огромными материальными и финансовыми ресурсами. Этот выбор определил место России как страны, догоняющей модернизацию. Т. Гурова и А. Ивантер перечислили следующие постулаты последних 20 лет, которые, по нашему мнению, определили и обреченность страны на сохранение позиции отставания в переходе к постиндустриальной экономике: 1) нечего бояться разрушения производства, потому что все можно купить на глобальном рынке; 2) инвестиции в экономику не надежны в связи с потенциальной инфляцией; 3) не надо их давать на то, чтобы реконструировать жилищный и коммунальный комплекс; 4) провозгласили необходимость быстро войти в инновационный мир, но не стали инвестировать в науку; 5) отказались от развития логистики, дорожно-транспортной инфраструктуры, но ожидаем развития экономики, благодаря потребительскому рынку; 6) захотели построить в стране мировой финансовый центр, но не стали осуществлять размещение в России акций крупных компаний. Результат этих издержек заключается в том, что после начала жизни в новой общественной ситуации в стране собственное производство резко сократилось, основной капитал исчерпан, существование населенных пунктов разного значения стоит под угрозой.

Несмотря на некоторое сгущение красок, допущенное в приведенных выше оценках, нельзя не признать, что в производственной сфере действительно не реализуются привлекательные инвестиционные схемы. Отсюда произошел перекосяк в пользу ресурсозависимости общества, который поддерживается влиятельными структурами, заинтересованными в распределении государственных средств, движении денег, а не товаров, произведенных в собственной стране. Догоняющая модернизация стимулирует потребительские ожидания, надежды и предпочтения массовых слоев населения.

Результаты

Результатом того, какой стала модернизированная Россия с учетом культурных предпочтений, по мнению Г. Драгу, требует переопределения проекта модернизации через осмысление соотношения европейского и российского культурного опыта. Россия – это страна восточно-христианской и исламской культуры со своими ценностями и опытом. Суть их, с одной стороны – традиционные ценности и установки, с другой – язык науки, язык образования [9]. Хотя деиндустриализация последних 20 лет российской истории затормозила наращивание потенциала эффективной экономики и повлияла на гипер-

трофирование ценности потребления, но модернизационный импульс имеется, и он локализован средой образования и воспитания как наиболее сильных ресурсов создания нового типа культуры, ориентированной на свободу, право, творчество, наиболее востребованных в деле позитивных изменений.

Работники умственного труда являются и творцами научного знания, которое выступает самым мощным ресурсом модернизации всех сфер общества. В современных условиях в общественный дискурс включено немало представлений, отражающих духовный опыт человечества, часто не поддающийся вербальности, что особенно актуализирует мысль В. И. Вернадского об обязательности и бесспорности сделанных научных выводов и заключений [10. С. 118-126].

В этом контексте представляет научную перспективу анализ того, как модернизация проходит через личное восприятие человека, насколько он восприимчив к идеям и практикам солидарности и доверия, то есть тех качеств, которые и репрезентируются моделью «Я-Другой». Эта линия горизонта включает сопричастность человека с гуманистическими, экологическими ценностями и верованиями в структуре императив той или иной религии.

Что касается сельских реалий, то итогом горизонта «направленности на другого» явилось отчуждение членов сообщества от производства в рамках хозяйственной организации и крестьянских дворов (семей, домохозяйств) друг от друга. Одновременно расширилось поле собственно найденных направлений действий сельских жителей по обеспечению своего благополучия, более широкое использование внутренних ресурсов путем возделывания дополнительных участков земли и трудового не аграрного отходничества в города и в территории расположения топливно-энергетических комплексов.

К данному горизонту примыкает еще один – «горизонт модернизации», который традиционно в политике советского государства носил преимущественно мобилизационный характер. Модернизация в современных теориях понимается как интеграция новых нормативно-ценностных структур, обусловленных «переходом от традиционного к рациональному обществу в результате научно-технического прогресса, социально-структурных изменений» [6]. П.П. Великий подчеркивает, что поскольку цивилизация России сочетает в себе как черты Востока и Запада, так и традиционного и современного общества, это может служить эластичному внедрению инноваций, их адаптации к нормам традиционного общества; толерантному существованию религиозных практик в светском государстве; поддержанию ценности личности при активной коллективной жизни; добровольной интеграции индивидами сельско-городского образа жизни как траектории благополучия; глобальному мировоззрению [11. С. 144].

Модернизация охватывает не одни организации (хозяйственные, политические) и культурно-воспитательные учреждения (школы, вузы, науку), но проходит через биографию отдельных индивидов и их семей, что проявляется в разнообразии моделей освоения экономического пространства, включением в коммуникативные сети, повышением интереса к событиям в обществе и мире в контексте оценки того, как они могут повлиять на их судьбу.

Горизонт «вызов-ответ» может интерпретироваться в широком и узком смысле. Первый – это вызовы Запада и Востока как цивилизаций, имеющих свои особенности и отличия, которые в той или иной степени включаются агентами как ориентиры в социальную политику, различные проекты и программы. Если Запад придерживается модели, что все новое лучше старого, то Восток, признавая ценности новых технологий в производстве, опирается на традиционные ценности человеческого общения, и это, как считают многие аналитики, является надежной предпосылкой экономического успеха Японии, Китая, Южной Кореи и других стран Восточного региона.

Вызовы и ответы в узком смысле касаются субъекта, жизнь которого представляет совокупность достижений и неудач как на уровне социальных систем, так и на уровне индивидуальных целей. Скопления (термин Дж. Урри) в агросфере – это угрозы и риски, которые задаются такими не поддающимися средствами воздействия факторами, как аномальные природные явления, неустойчивость результатов хозяйственной деятельности организаций, отсутствие прозрачности намерений и действий внешних инвесторов и т.п.

Горизонт катастрофы – это концепт, отражающий процесс потери управляемости систем – от корпораций до государств [12]. Массовые потрясения, вызванные резким сломом экономических, политических и социальных отношений в постсоциалистических странах, получили определение «культурной травмы» [13]. Возникая как следствие этого слома, она проявляется на социально-демографическом уровне в виде физической деградации населения, снижения рождаемости, роста смертности, и на культурном уровне – в форме потери опривыченных значений, примирения с не-

осуществимостью жизненных целей. Однако исцеляющие травму действия также находят свои поля, среди которых особо важны легитимные стратегии индивидов, накопление социального капитала значительной части населения, развитие демократии. Сельские жители в условиях России преодолели травму за счет «здорового консерватизма», ориентируясь не столько на новации, предлагаемые идеологией аграрной реформы, сколько на неоархаику в виде сохранения семейного подсобного хозяйства, исторически всегда выполнявшим страховую функцию.

Горизонт ментальности сопряжен с контекстом выше сделанных рассуждений о вызовах и ответах и направленности на другого. В понятии «ментальности» подчеркивается глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, совокупность устойчивых интеллектуально-технологических установок и представлений, единая, синкретическая форма сознания людей [14]. В одном из подходов, реализованном в публикациях К.О. Касьяновой и М.М. Громыко, сделаны обобщения наиболее ярких черт различных эмоционально-душевных актов, привычек, настроений, верований и ожиданий [15; 16. С. 653-685].

Обсуждение

Выделенные горизонты или совокупность характеристик (линий горизонта), обладая топологическим и темпоральным смыслом, позволяют избежать пресыщения информации негативным маркированием реалий современного села. Не все в нем плохо. Даже локальные проявления креативности отдельных личностей и их объединений, сфокусированных на общее дело, свидетельствуют о наличии многих неиспользуемых ресурсов самореализации сельского населения.

Прежде чем говорить о модернизации сельского пространства, остановимся на ряде общих характеристик, присущих человеческому обществу начала XXI в., которые обусловлены в той или иной степени модернизацией. На наш взгляд, существует два вектора модернизации, которые испытывают жители как высокоразвитых стран, так и находящихся на окраинах процесса типичных глобальных изменений. Прежде всего это коренные изменения инфраструктуры социальной жизни, которые произошли в производственной занятости, где резко возрос спрос на интеллектуальный капитал, и обладатели его, особенно уникального, полезного для благополучного положения фирмы, даже отвоевывают у собственников и менеджмента права на ряд льгот. В одних случаях приходится на работу без галстука, в других сидеть на рабочем месте, сняв обувь [17], демонстрируя неустрашимость противоречий между креативностью и нормативностью [18. С. 383-395].

В социальном пространстве, не знаящем границ, возникают «циркулирующие сущности», к которым, по мнению Б. Латура, относятся: сетевой режим и мобильность, разрастание свободы и одновременно усиление зависимости, включение и исключение опасностей и рисков. Отсюда методологические перспективы анализа модернизации в значительной степени связаны с теми переменами, которые вносятся в повседневность жизни отдельного человека, семьи или их групп в локальных сообществах.

Диапазон экономических, социальных практик, подкрепленных идеологически, не является одинаковым и одномерным. В одних случаях он широко открыт для освоения универсальных ценностей, в других этот процесс блокируется, причем не столько дозированием их распространения, что осуществляют СМИ и политики, сколько соответствием собственного образа жизни этим ценностям. Например, члены сельской семьи, вполне разделяя ценности туризма, интересуясь мировыми достопримечательностями, остаются не включенными, так как их мобильность ограничена необходимостью сосредоточиться на ресурсах благополучия. «Все это замечательно, но не для нас», – вот типичная формула оценок сельской семьи, остающейся немобильной, так как режим ее повседневности жестко привязан к практикам содержания животных в семейном хозяйстве, и в целом из-за невысокого уровня жизни, а то и бедности. Тем не менее мобильность с ориентацией в основном на дело, находя которое можно улучшить материальное положение, набирает темпы и в сельских сообществах. А это означает, что происходит своего рода их соединение с другими поселениями разной людности, разными отраслями производства, движение к которым происходит посредством разнообразной инфраструктуры – от железных и шоссейных дорог до самолетов, речных и морских судов. Такие не отходники, покидая на время село, попадают в мир «гибридных» объектов, где сложились свои границы и пересечения физического, биологического и социального.

Городские впечатления современных сельских жителей имеют иной характер, чем в прошлые эпохи, когда селу был присущ крестьянский в полном смысле этого слова образ жизни, свои, отличающиеся от городских слоев, смысло-жизненные ценности. В настоящее время деревня насыщена

городским содержанием модернистского формата не только через экран культуры, но и наличие субъектов, действующих в сельско-городском континууме. Это – сельская молодежь, обучающаяся в учебных заведениях городов или покидающая, как правило, на время село в поисках лучшей доли, это посредники, скупающие сельскохозяйственную продукцию для перепродажи в других местах, это богатые горожане, построившие дома внутри сельских поселений, которые используются как дачи. К этому следует добавить храмовые объекты, появление священнослужителей.

Говорить о комплексности воздействия всех этих средств на сельского жителя, на наш взгляд, пока преждевременно. Эти средства находятся порой и в противоречии с устоявшимися стандартами жизни, однако между ними складывается определенная соединенность и связанность (*connectivity, connectedness*). По крайней мере, многие действия сельских жителей и социальные явления на селе уже нельзя рассматривать в терминах индивидуальных поступков. Если к началу 90-х гг. XX в. связь руководителя колхоза с работающим трактористом или комбайнером могла осуществляться косвенно, через агронома, оснащенного рацией, то в современный период как менеджмент, так и исполнительно-механизаторы могут общаться напрямую через мобильную связь. Появились средства и для навигационного контроля, что ставит новые требования к дисциплине труда, взаимной ответственности акторов.

Местные муниципальные органы с помощью новой оргтехники более оперативно общаются с высшей управленческой инстанцией и органами, ответственными за разные стороны жизни села. Для выдачи пенсий на селе появляются периодически передвижные, мобильные автомобили банков. В общем плане сельская жизненная среда наполнена объектами, являющимися вещественным проявлением модернизации, которые можно разделить на: постоянно стационарные (клубы, медицинские учреждения, храмы), временно стационарные (личные автомобили, мотоциклы, мотоблоки, тракторы), переносные (книги, телевизоры, предметы бытового обихода), образующие мобильную систему (мобильный телефон, плеер). Весь этот набор значительно превосходит тот, который был в селе 30–40 лет назад, и способствует включению жителей в локальный и глобальный мир на более широкой основе.

Таким образом, все эти динамические сдвиги вносят новый порядок в жизнь сельского населения, который можно определить как проявление модернизации. Он, конечно, не является односторонне влияющим на улучшение сельской реальности. Различные нелинейные изменения в глобальном масштабе, неожиданные кризисы, отсутствие ясной связи между тем, что порождает нетипичные ситуации и их «типичными объяснениями» приводит к изменению структуры чувств, увеличивая в ней долю «культурной травмы» (П. Штомпка).

Другой вектор изменений в русле модернизации связан с инновациями, пространством которых является сфера аграрного труда, его качество, организация, рациональное использование полученных результатов. П. Дракер, И. Перлани, В. Томпсон, А.И. Пригожин подчеркивают такую сторону инноваций как интеграция научной идеи в практическую деятельность с экономической отдачей [19].

Часто звучащее слово «модернизация» в сочетании с другими словами (медицины, производства, энергетики и т. п.) на рубеже XX и XXI вв. в России в последние годы почти исчезло из обихода. Означает ли это, что модернизация в России приостановилась? На наш взгляд, обновление и усовершенствование жизни, в том числе и на селе, что и является сущностью модернизации, происходит постоянно. Достаточно сравнить сельскую реальность ранне-, средне-, позднесоветского времени. Менялась техническая вооруженность труда, быт, образовательный уровень, охрана здоровья людей. Еще более разительные перемены произошли в последние 20 лет жизни в новой социально-экономической, духовной и политической обстановке. Радикальнее всего меняется вещественная часть модернизационных процессов.

Более сложной является проблема концентрации человеческого потенциала, его духовных, социокультурных ресурсов на реализацию высокой социальной цели – преодоление кризисов созидания, которые уже не один раз проявились в постсоветской России.

Модернизация не может быть успешной, если она происходит, минуя социальную среду, что нередко имеет место в агросфере. Самостоятельно и не считаясь с коллективной волей сельских сообществ, действуют на территориях сельских поселений энергетические организации, арендаторы территорий под цели охоты. Нередко и производители аграрного продукта, как современные агрохолдинги, обходятся без вовлечения в трудовые процессы коренных жителей. То есть инновационный потенциал большинства людей оказывается скованным отсутствием механизмов приобщения к новациям в технике, технологиях, достижениями науки. Напротив, процесс, названный А.Н. Никулиным «консервативной модернизацией», дает хорошие результаты организации трудовой занятости, в которой сочетаются традиционалистские начала и современный прагматизм, все категории селян

имеют возможность самостоятельного хозяйствования, как в Белгородской области, Республике Татарстан и ряде других регионов [20].

Толчком глобальных радикальных изменений стали достижения Запада на основе разворачивания потенциала свободы творить новое. Переделка внутренней природы наций, традиций и обычаев по модели западных обществ стала основным направлением модернизации в остальном мире. Этот подход оправдывался тем, что религиозное, мифологическое, идеологическое оправдание традиции занижает потребность субъектов в творческой деятельности, блокирует инновации в экономике и других сферах жизнедеятельности обществ. Поскольку в цивилизации России сочетаются признаки и Запада, и Востока, модернизация ее социального пространства может происходить с учетом потенциала тех и других ценностей. Как считает П.П. Великий, модернизация в России должна опираться на такие концепты, как: совмещение ментальных специфик современного и традиционного обществ; светская организация социальной жизни без притеснения религиозных смысложизненных практик; воспроизводство выделенной персональности и признания значимости сложившихся созидательных форм коллективности; сочетание созидательной роли предзаданного и приобретенного статусов; объединение практик типично городского и деревенского образов жизни для достижения личного благополучия [11].

Изложим свое понимание прекращения обсуждения феномена модернизации в общественном дискурсе в России. На наш взгляд, это следствие управленческих издержек, опривычивания кадрами властных структур практик по модели: «старое в новой упаковке». Обычное обновление медицинской аппаратуры в медицинском учреждении, приобретение трактора или комбайна в крупном хозяйстве, изготовление определенных простейших предметов обихода на машиностроительном заводе в отчетах проходило как успехи модернизации. Это опошло само идею модернизации, и она сошла с «повестки дня», но многие ее положения занимают ключевое место в различных государственных проектах и программах, то есть сохраняют статус обязательности к исполнению, что актуализирует детальный анализ состояния различных полей социального пространства в контексте их обновления и усовершенствования.

Ресурсом изменений в русле модернизации является новая институционализация области социального пространства, именуемая социальной работой. В СССР она была замкнута на социальное обеспечение, все взаимодействие пожилых, инвалидов, многодетных семей с обществом строилось через специальные органы государства. При этом преобладала оценка человека как клиента чаще всего стигматизированного. К середине XX в. за рубежом, а в России к концу XX в. социология расширила представления о самой системе социальной защиты, сориентировавшись на главную цель: реализацию социальной поддержки, которая бы гарантировала реализацию индивидуальной и социальной субъективности, помогала преодолевать кризисные ситуации, включая медицинскую, психологическую, педагогическую помощь. В связи с этим расширяется круг агентов, причастных к социальной защите и помощи.

В.И. Григорьев и Л.Г. Гусякова выделили ряд направлений социологического анализа социальной работы, которые учитывают российские условия и международный опыт [21]. Среди них: интеграция усилий государства, бизнеса и некоммерческих организаций, с учетом особенностей человека как представителя определенной социальной группы. Вторым направлением является рассмотрение социальной работы с точки зрения воздействия на человека элементов окружающей среды. Третье направление – это расширение связей, которые должны попадать в поле внимания социологии (социология не для, а в самой социальной работе).

Само введение института социальной работы в России является инновацией. По мере повышения эффективности экономики страны появляются новые возможности, во-первых, в расширении перечня услуг клиентам социальной работы, совершенствования технологий помощи им, во-вторых, углубления всего корпуса научных знаний проблемы в целом.

В настоящее время в регионах страны сложилось противоречие между потребностями практики социальной работы и кадровым обеспечением этого института. Хотя многие высшие учебные заведения выпускают социальных работников, но они сосредотачиваются в городах и относительно крупных поселениях, какими являются районные центры. В сельских поселениях число штатных единиц социальных работников остается самым минимальным, равно как и их заработная плата. Поэтому эти должности занимают женщины, оставшиеся без возможности трудоустройства по своей специальности, часто одна ставка во имя справедливости (безработных женщин в селе очень много) делится на несколько человек, и вся социальная работа сводится к посещению престарелых с целью провести уборку, купить и принести продукты из магазина, сварить еду, поговорить и утешить. Квалификация

и финансовые ресурсы этой категории социальных работников остаются препятствием, чтобы связать престарелого человека с тем кругом организаций обслуживания, которые отвечают за здоровье, нахождение, социальное благополучие.

Обратим внимание на одно, казалось бы, парадоксальное утверждение Б. Латура, что социальное всегда требовало объяснений и не давало ответов на вопросы само по себе [22. С. 136]. Объекты науки могут объяснять социальное, но не наоборот [22. С. 140]. На наш взгляд, эти утверждения методологически плодотворны при объяснении роли социального в социальной сфере. Соглашаясь с Б. Латуром в том, что в социологии имеет место ситуация, когда специфическое, уникальное, множественное и оригинальное выражение подменяется многоцелевым термином, который служит объяснением первого, попытаемся под этим углом оценить пространство социального в социальной сфере села.

Не вдаваясь в различие подходов к сущности и структуре социальной сферы, которые незначительны, легко обнаружить, что признаются аксиоматично следующие допущения.

1. Социальная сфера – это пространство формирования человека, удовлетворения его многообразных жизненных потребностей: духовных, социально-культурных.

2. Социальное имеет как социальную «площадку» – инфраструктуру (образование, медицина, коммунальное обслуживание), так и социальное присутствует в организации трудовых процессов, обменных отношениях, общении с далекими и близкими индивидами.

3. О том, как это происходит, приходится судить лишь косвенно по показателям работы инфраструктуры и фактам разного рода общения, которые отражают лишь окраины действительно происходящих процессов, хотя на их базе делаются заключения о состоянии всей социальной сферы.

Выводы

Социальная сфера, точнее ее инфраструктура, участвует в модернизации и сама подвергается ее воздействию, поэтому с учетом приведенных допущений рассмотрим, как это происходит в сельских территориях. Во-первых, существует крайняя неравномерность в тех ресурсах, которые «сделаны» из «социально-сферной субстанции». Если кроме телефона на столбе, по которому Н.С. Михалков хотя и дозвонился до районных властей, но в этой конкретной деревне нет ни одной семьи, ни одного человека, то коммуникативно-техническое обустройство данного типа мест обитания людей становится излишним (фильм «Чужая земля»). Во-вторых, объекты инфраструктуры социальной сферы очень медленно впитывают новации, чему способствует потеря населением живого интереса к ним (клубам в первую очередь) и недоступность (медицинским учреждениям), а также низкий профессионализм кадров. Нередко новое только имитируется, как это видно на примере сельских залов культуры и клубов. То, что в советское время называлось объединениями и кружками, по новой, в чем-то схожей с армейской, терминологии стало называться формированиями. В то же время количественное число участников в них уменьшается соответственно сокращению сельского населения.

Остающиеся на селе жители лишь частично связаны с формальными объектами инфраструктуры, социальной сферы, но это не означает их полную изоляцию от мезо- и макроуровня общества, мир-системы. Можно сказать, социальные связи сельского жителя независимо от состояния местной инфраструктуры, социальной сферы в годы реформирования аграрных отношений стали более разнообразными и обширными. И это также результат модернизации в ее глобальном измерении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 1456 с.
2. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.
3. Dahrendorf R. Reflections on the revolution in Europe. London: Chatto&Windus, 1990. 154 p.
4. Яницкий О.Н. Модернизация в России и вокруг: конспект // Социс. 2011. №5. С. 136-145.
5. Соколова Г.Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь-Россия // Социс. 2012. №5. С. 3-13.
6. Семигин Г.Ю. Теория модернизации // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. 632 с.
7. Лапин Н.И. О стратегии опережающей социокультурно сбалансированной модернизации // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (г. Вологда, 23-26 октября 2013 г.). Вологда, 2013. Ч. I. С. 14-15.
8. Гурова Т., Ивантер А. Мы ничего не производим // Эксперт. 2013. 29 июня – 11 августа. С. 6.

9. Драг Г. Модернизация России: контекстуальность проблемы // Логос. 2004. № 5 (44). С. 188-190.
10. Вернадский В.И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна, 1997. 576 с.
11. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации: монография / под ред. Ю.С. Воронова. Саратов: Научная книга, 2012. 340 с.
12. Пригожин А.И. Феномен катастрофы (дилеммы кризисного управления) // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 114-126.
13. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. №1. С. 8-16.
14. Ирхин Ю.В. Ментальность // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд / рук. научного проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. С. 616-617.
15. Касьянова К.О. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 267 с.
16. Громько М.М. Традиционный нравственный идеал и вера // Русские / под ред. В.А. Александрова, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1997. 828 с.
17. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М.: Изд-во «Классика XXI», 2007. 432 с.
18. Menke С. Das Leben als Kunstwerk gestalten? Zur Dialektik der postmodernen Asthetisierung // Initial. 1991. 503 p.
19. Томпсон В. Управленческие нововведения в США: проблема внедрения. М.: Наука, 1986. 326 с.
20. Ильдарханова Ч.И. Модернизация сельского Татарстана: социологическая теория и практика: монография. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2016. 308 с.
21. Гусякова Л.Г. Социология социальной работы в контексте неовитализма // Социология. 2005. №2. С. 78-83.
22. Латур Б. Пересборка социального: введение в новую акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд-во Высш. шк. экономики, Министерства науки, выс. школы и технич. политики РФ, 2014. 382 с.

Поступила в редакцию 03.05.17

Ch.I. Ildarkhanova

MODERNIZATION OF RUSSIAN RURAL AREA AS A SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON: METHODOLOGICAL BASES OF ANALYSIS

The article reveals modernization of the Russian rural area through the role of symbolic meanings and cultural codes that are typical for the population. Taking it into account will make changes successful. Contemporary modernization concept that was formulated in the middle of XX century worked out some universal rules directed to ousting of traditions. It was supposed that development of all states must go through the same stages and approach western patterns of modernization, not patterns of state mobilization dictated from above. The unified, based on the American model approach is replaced by the ideas that rhythms, rates and consequences of modernization are different both in various spheres and in whole – in the cross-country analysis. At the same time, as R. Dahrendorf considers, the upgrade process can take longer than planned, we may here speak of an alternation of several generations. At the turn of the XXI century the tendency to connect modernization processes with a global context increased. The countries of 'secondary', 'catching up' modernization were faced with the objective conditionality of crises in the adoption of rational structures of life organization. As a result, concepts of partial modernization and the crisis syndrome of modernization were formed. They express the idea of inevitability of the conflict between traditional values (for a definite national culture) and organizations composing renewed social structures. The renovation of institutes is caused by the necessity to adopt under the conditions of catching-up modernization. These difficulties can be found in Russia as well. The author concludes that modernization possessing a humanistic potential is spread in different social environments unequally. The reasons are availability of state material financial assets and the state of social quality of the parties in charge of activities. All the above-mentioned, in the aggregate, determine the corridor of possibilities for modernization. In addition, when developing the modernization strategies, it is important to take into account inadmissibility of breaking off the succession because the innovations themselves are the synthesis of interaction between the new and the traditional. The problem of human proportionality to technical projects, the state of household, legitimization of behavior patterns of various social and professional groups is discussed in the paper.

Keywords: modernization, innovation, Russian rural area, social work, modernization of a rural area, strategy, social-and-cultural context, social space, resource potential.

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна,
доктор социологических наук
Центр семьи и демографии Академии наук
Республики Татарстан (г. Казань)
420111, Россия, г. Казань, ул. Левобулачная, 36а
E-mail: chulpanildusovna@gmail.com

Ildarkhanova Ch.I.,
Doctor of Sociology
Family and demography center
of the Academy of sciences of the Republic of Tatarstan
Levobulachnaya st., 36a, Kazan, Russia, 420111
E-mail: chulpanildusovna@gmail.com